

Источники и литература:

1. Андреева Е. П. Толстой-художник в последний период деятельности / Е. П. Андреева. – Воронеж, 1980.
2. Барыкин В. Е. Эстетика Льва Толстого / В. Е. Барыкин. – М., 1978.
3. Галаган Г. Я. Идеино-эстетические искания Л. Н. Толстого / Г. Я. Галаган. – М., 1969.
4. Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого / Е. Н. Купреянова. – М., 1966.
5. Лакшин В. Я. Интервью и беседы с Львом Толстым / В. Я. Лакшин. – М., 1987.
6. Ломунов К. Н. Эстетика Льва Толстого / К. Н. Ломунов. – М., 1972.
7. Ломунов К. Н. Взгляды Л. Н. Толстого на искусство и литературу / К. Н. Ломунов // Собрание сочинений : в 22-х т. / Л. Н. Толстой. – М., 1983. – Т. 15.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22-х т. / Л. Н. Толстой. – М., 1983. – Т. 15.
9. Эстетическая теория Толстого : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iskusstwo.ru/news/html/164.html>

Новикова М.А., Абрамова Е.Ю., Трош С.Э.**УДК 811.161.2255.4=161.1****ИНТЕРТЕКСТУАЛИСТИКА: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Прелиминарии. Проблема интертекстуальности в художественной литературе стала за последние десятилетия одной из ключевых. Она прямо связана с такой актуальной проблемой, как принцип диалогизма в литературе (и, шире, во всей культуре). Этот диалогизм может рассматриваться как в синхронии, так и в диахронии; как в рамках «диалога текстов», так и в рамках «диалога дискурсов» и, далее, диалога эпох и культур. Здесь идея «глобальной интертекстуальности» в духе К. Кристевой встречается с идеей «глобального перевода» Р. Якобсона. Этот «мегаперевод» заставляет по-новому взглянуть на всю современную литературу и культуру: как на некий «неофольклор», где авторство становится заведомо коллективным; где темы и сюжеты отдельных текстов превращаются в метатемы и метасюжеты целых текстовых комплексов (от циклов до огромных интерсемиотических структур, типа «киевский текст», «парижский текст», «петербургский текст» и т.п.). Понятие «текст» в подобных случаях делается практически равным понятию «дискурс», а все привычные для нас текстовые компоненты (персонажи, мотивы, образы и др.) превращаются в «вечные» и «бродячие», не теряя при этом своей социальной, национальной, исторической, индивидуально-авторской специфики (М. Новикова [3, с. 268]). Изучение такого интертекстуального полилогизма определяет, на наш взгляд, *актуальность* данного исследовательского направления.

Что касается его *новизны*, то она видится нам прежде всего в методологической области: в разработке принципов и практических механизмов анализа подобных интертекстуальных, интердискурсивных и интеркультурных образований. До сих пор опыт такого анализа ограничивался, как правило, работами типа «Литература и музыка», «Литература и живопись», «Литература и история» и т.п. Нас интересуют более всего *модели* этого кросс- (или интер-) анализа. В качестве же *материала* нами был взят один из вариантов «киевского текста»: лирический цикл сонетов Максима Стрихи «Київські церкви» (1991) в русском переводе Марины Новиковой (2011), а также переписка указанных двух филологов, переводчиков, поэтов: те ее фрагменты, которые перекликаются с избранными нами поэтическими текстами [5].

Таким образом, *объект* нашей работы – «киевский текст» М. Стрихи (далее МС). *Предмет* работы – межаспектные, междискурсивные и межкультурные пересечения внутри этого мегатекста (термин проф. И. М. Колегаевой). *Цель* работы – экспериментальная отработка некоторых методов выявления и интерпретации названных пересечений. *Практическое применение* результатов исследования обеспечивается тестовыми, курсовыми, выпускными и дипломными работами студентов филологических специальностей (украинистика, русистика, перевод).

Ключевые понятия. Уже накоплено достаточно большое число понятий, связанных как с интертекстуальностью вообще (интертекст, интекст, мегатекст, метатекст, контекст и др.), так и с формами его конкретного проявления (цитата, аллюзия, реминисценция и др. [1]), а также степенью зависимости «своего слова» от слова «чужого» (простые заимствования, вариации, трансформации). В области перевода выработался свой понятийный аппарат, небезполезный и для интекстуальных исследований (произведения по мотивам, подражания, вольные переводы, собственно переводы; адаптация VS репродукция VS интерпретация). Свои понятия для анализа аналогичного процесса («диалога культур») предложила уже и интеркультурология. Среди них – поли- и мультикультурализм, диалогизация межкультурных контактов, синтез VS симбиоз культур. Небезынтересна (хотя пока еще не адаптирована к нуждам филологии) классификация этнических общностей, предложенная Л. Гумилевым: консорции, конвиксии; субэтноты, этноты, суперэтноты, – и особенно классификация результатов их гибридизации: сочетания нестойкие и сочетания деформированные (предпочтительнее, на наш взгляд, сказать: трансформированные. – Авт.) – симбиозы, ксении и химеры [2, с. 138]. Последние три различаются по критерию оценки их взаимной адаптивности: от *взаимного обогащения* (симбиозы) через нейтральное *сосуществование* (ксении) до *несовместимости* (химеры).

Ключевые методики. В прямом или косвенном виде большинство методик, основанных на интертекст-анализе, были нами учтены. Н

переводоведения и текст-типологии, а именно: (лингво) концептов, символов и реалий. С их помощью, думается можно четче и доказательнее определить: на каком *уровне* интертексты взаимодействуют? На уровне ли предметной «фактуры» их внутритекстового мира? На уровне ли его ментальных, культурно обусловленных структур? Или на уровне самой картины мира, запечатленной в данном тексте, группе текстов, мегатексте? Важным для нас было и то, что в качестве материала были отобраны тексты именно переводные, т.е. такие, где диалог двух культур, во-первых обязателен, во-вторых, нагляден, а в-третьих, объективно проверяем текстуально.

Поскольку тексты оригиналов (стихотворный цикл МС) уже опубликованы, а тексты переводов пока еще нет, даем эти тексты в Приложении 1. Ради экономии места сонеты записаны в строку, но с разделительными знаками: межстрочными / и межстрофными //.

Концептуальный анализ. Ключевые концепты (лингвоконцепты) любого текста задают его содержательный каркас, «ведут» его основные темы. Эта программирующая функция концептов естественным порядком влияет на их внутритекстовое размещение. Концепты тяготеют к т.н. сильным позициям: началу, кульминации и финалу всякого текста.

Начальная текстовая (или, по другим классификациям, *предтекстовая*) позиция – это *заголовок* (*подзаголовок*) текста. Далее идут все его *первые* структурные компоненты: I-е слово в строке, I-я строка в строфе, I-я строфа в общетекстовой архитектонике. Тем же порядком, только в обратной последовательности, располагаются вторые по значимости, *финальные* позиции. Это *последние* текстовые компоненты: последняя строфа – строка – слово (или словосочетание).

Дискуссионным остается удельный вес *посттекстовых* позиций: датировка произведения, указание на место его написания, на какое-либо событие, в этом тексте отразившееся. Перечисленные компоненты встречаются в художественных текстах не так регулярно, как компоненты I и II групп. Однако там, где они есть (например, в цикле МС), завершительная и одновременно, амочная их функция для концептосферы (термин И. Постоловой) текста несомненна.

Что же до *кульминационной* позиции, – она безусловно делит значимость с позицией начальной. (А в драматургических – или в драматичных по своему пафосу – текстах кульминационная позиция оказывается даже значимей). Сложность для интерпретатора состоит в том, что при анализе поэзии вообще, лирики в частности найти и доказать внутритекстовое место кульминации гораздо менее просто, чем при анализе драматургии и прозы (особенно прозы эпической).

Учитывая все сказанное, начнем с очевидностей. В заглавии всего цикла МС стоят два слова; их семантическая основа – «Киев» и «церковь». Далее в заголовках каждого сонета обе эти концептуально-семантические основы конкретизируются. Протоконцепт¹ «Киев» включает в себя два не названных, но облигаторно подразумеваемых для каждого киевлянина района, где перечисленные церкви расположены (Княжья гора – Подол). Протоконцепт «церковь» реализуется в виде названий конкретных киевских церквей (по две на каждый из упомянутых городских районов).

В посттекстовом финале цикла значителен дата (08-09.04.1991) и событие, вызвавшее эти четыре сонета к жизни и украсившее их особым торжественным модусом (Пасха). Остаются вопросы: интертекстуальны ли эти протоконцепты? Концептуальны вообще, если выступают на первых порах в более скромном статусе, реалии и символы?

То, что «Киев» и названия четырех церквей есть реалии, доказать нетрудно с помощью *дефинитивной* и *тезаурусной* методик. Все эти текст-элементы отвечают дефиниции реалий; все они содержатся в словарях тезаурусного типа и в краеведческих справочниках (даже в справочниках «советского» периода [4], [7]). Доказать, что они – символы, намного сложнее. Здесь приходится прибегать к дедуктивному методу.

Во всех словарях символов и пособиях по символической группе, как символы *центра*. Одним из символических вариантов центра (его конкретизатором) является «город». Наиболее значимый вариант «города» – «столица». Следовательно, в любых текстах и контекстах название столицы, автоматически являясь *реалией*, вероятнее всего окажется еще и *символом*. Символы же, в свою очередь, являются конкретизаторами и «несущей конструкцией» для *концептов*. Только верная интерпретация реалий и символов (включая интерпретацию-перевод) гарантирует адекватное функционирование сформированных на их базе концептов в «тексте культуры».

Проблем с Киевом-реалией не только у украиноязычного, но и у русскоязычного читателя современной Украины не возникает. Среди прочих факторов ее адекватное восприятие обеспечивают интертексты: тексты СМИ и образовательные (учебные); тексты краеведческие (в том числе, туристические) и политические; тексты фольклорные и литературные. Иначе обстоит дело с Киевом-символом. Самый факт символичности Киева для любой аудитории в Украине априорен – аргументацию см. выше. Однако *ассоциативное поле* этой символичности, его широта и глубина, его *оценочный модус* зависят от его же конкретизаторов, а конкретизаторы зависят от интекстов / интертекстов². Эти последние намного более объемны в синхронии и глубоки в диахронии, нежели интексты / интертексты, создающие ассоциативное поле реалий.

¹ Термин предложен проф. М. А. Новиковой для лингвоконцептов, стоящих в начальной позиции любого текста и, т.о., обладающих уже определенной, однако еще «размытой» в своих границах семантикой. «Разворачивание» и, одновременно, ограничение этой семантики происходит далее, при «развертке» смыслового пространства самого текста.

² Мы разграничиваем понятия «интекст» и «интертекст» по критерию текстовой внутрислобности. Интекст – это целое или фрагмент интертекста, уже внедренные в структурно-семантическую систему текст-рецептора. Интертекст входит в тезаурус автора текста, но

Покажем это на фрагментах переписки одного из авторов настоящего сообщения (М. Новиковой) и автора анализируемых текстов (М. Стрихи; см. Приложение 2). Обратим внимание на два момента. 1) Цитируемые письма (1989) практически синхронны сонетному циклу (1991), но все же его. Перед нами, т.о., интертексты, выполняющие несомненную *прогностическую* функцию. Они показывают: а) как формируется авторская концептуальная установка (личный биографический опыт; личный культурный тезаурус (и прежде всего его доминанты, его «иерархия предметов»); личный социальный опыт (включая релевантный для автора опыт коллективный, общенациональный). Через них автор переживает и осмысляет «общую судьбину» Города и Украины на одном из самых драматичных ее поворотов (1989-1991).

Привлеченный интертекст убеждает в том, что «Киев» для МС – не простая реалья, а символ, отвечающий всем критериям символичности:

- 1) большая универсальность;
- 2) акцент на более длительном историческом существовании;
- 3) «заангажированность», мощная идеологическая нагрузка;

4) отсюда – дискуссионность, открытость для разных (в т.ч. противоположных) интерпретаций. Тем не менее, «Киев» МС в данном цикле все же символ, а не (лингво)концепт. Его *универсальная* и обобщенная семантика строго сбалансирована с семантикой *уникальной* (судьба личности) и *особой* (судьба народа), плюс она не растеряла личностной же эмоциональности, «теплой» предметности, открытого биографизма³.

По сравнению с письмами сонеты МС более сдержанны. В частности, они лишены местоимения I лица – голоса некоего единственного, уникального «я». Не часто встречается в них и сами слова «Киев», «киевский» (I сонет – ни разу; II сонет – ни разу, III сонет – 1 раз; IV сонет – ни разу). «Киев» представлен через своих «заместителей»: синонимы и парифразы (словесные) и субконцепты (содержательные, термин И. Постоловой).

В I-м сонете Киев – это Подол; это город «туманных» преданий, но и точных путевых записей (Боплан); город многословный (казаки, студенты-спудеи, клирики, крестьяне, шляхта). Мифопоэтически – это «кровавое поле»: земля, у которой отнята ее древнейшая сакральная «функция – деторождение, плодородие. Исторически – это «зона репрессий», причем под репрессии равно подпадают и киевляне-люди, и живущие с ними единой жизнью киевляне-здания.

Аналогичная система интертекстуальных ассоциативных парифраз для ключевого концепта «Киев» работает и внутри остальных сонетов. Поэтому остановимся детальнее на новой проблеме: из каких источников (интертекстов) может интерпретатор извлечь данные, необходимые для восприятия, а затем истолкования внутритекстовых ассоциаций? Т.е., можно ли прогнозировать (или моделировать) те комплексы интертекстов, откуда он, интерпретатор, возьмет «кирпичики» для построения адекватного автору круга ассоциаций?

Начнем с того, что *информационные* источники, действенные для интерпретации реалий, остаются актуальными и для интерпретации символов. Это, напомним, словари-тезаурусы, справочники, энциклопедии; это краеведческие типы текстов, путевые записи-травелоги (альбомы, путеводители); это учебные (дидактические) тексты (статьи в учебниках / учебных пособиях, – в данном случае, в учебниках различных дисциплин: истории, географии, культуры, литературы и др.).

Однако *эмоционально-оценочный* компонент ассоциаций зависит и от интертекстов другого типа. Отчасти они перечислены самим МС. Это городские предания или легенды (см. сонет 1; об их роли в создании «киевского мифа» см. М. Новикова, М. Петровский [6, с. 258-271]). Это городская документалистика (см. сонеты 1, 2, 4), включая архивы градостроительства и архитектуры (все сонеты). Это церковные архивы (все сонеты) и архивы репрессивных служб (сонет 2; имеется в виду архив ВЧК; для других периодов это могут быть архивы ГПУ-МГБ-КГБ). Литературные интертексты (для этого конкретного цикла существующие лишь в негативном, «нулевом» качестве, ибо автором цикла отвергнутые, отодвинутые в тень, но для верного понимания скрытой полемичности этого цикла обязательные) – статьи А. Булгакова, роман «Белая гвардия» М. Булгакова, а в контраст к ним – «киевская» малая проза – И. Нечуй-Левицкого или тексты из наследия П. Могилы и И. Мазепы.

Все это – жанры и интертексты первого и второго, т.е. ближайшего порядка. Однако они отсылают дальше: к интертекстам третьего, четвертого и т.д. порядка: к трудам критиков, исследователей, популяризаторов или, наоборот, «запретителей» этих текстов, но в любом случае – их новых и новых интерпретаторов. Если же ассоциации захватывают большой исторический контекст, а интерпретации затрагивают болевые точки общественного сознания, – неизбежно происходит не только реинтерпретация всех названных источников, но и «конфликт интерпретаций». Без учета этого (подчас острого, однако тем более реального) интерпретационного конфликта невозможно ни расшифровать, и осмыслить, ни оценить каждый интертекстуальный (и, следовательно, концептуальный) выбор, который делает автор каждого отдельного текста).

Вместе с тем, гуманитарный вектор современных усилий направлен на осознание глобальной ответственности за судьбы культуры – культуры и общечеловеческой, и национальной, и региональной. Это требует особой педагогической осторожности, толерантности и конструктивности при рассмотрении таких, казалось бы, «узко-специальных» вопросов, как те, которые ставятся интертекстуалистикой. В качестве Приложения 3 предлагается экспериментальный фрагмент вопросов и заданий. Рассчитаны они на

³ Иной статус «Киева» (по нашему мнению) у всего «киевского текста» М. Стрихи (письма, статьи, стихи, мемуары и т.д.). Там «Киев» из биографического контекста перешагивает в контекст региональный и национальный, становясь бесспорным

студентов вузов. Однако они же, – хотелось бы надеяться, – могут стимулировать новые исследовательские поиски у магистрантов и аспирантов: у всех, кому не безразлична судьба этого Города, этой Земли и этой Державы.

Анализ второго ключевого концепта цикла («Церковь») станет предметом отдельного сообщения.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. Интертекстуалистика как научное направление может, как и предполагалось, иметь два уровня. Первый – интертекстовой в узком понимании этого термина. На этом уровне учитывается лишь а) взаимодействие «текст – текст (или группа текстов)», причем б) взаимодействие это должно быть реализовано так же эксплицитно и прямо – в тексте-рецепторе. Научная эволюция интертекстуалистики повторяет в этом отношении эволюцию теории перевода. И там, как и тут, вначале также предлагалось считать «собственно переводом» только взаимодействие «текст – текст», и тоже лишь такое взаимодействие, которое воплотилось исключительно в текстовых же формах. Все, что требует от исследователя привлечения таких понятий, как «подтекст», «затекст» или «контекст», как и «метатекст» или «интертекст, – выносилось за скобки «строгой» науки.

2. С течением лет, однако, теория перевода уже вышла, а интертекстуалистика не сможет в скором времени не выйти на другой (как нам представляется, более актуальный и перспективный) уровень. На нем «текст» смещается от понятия чисто вербального к понятию культурно-ориентированному.

3. На этом уровне изучению подлежит не только диалог/полилог текстов и их элементов (хотя он никоим образом не игнорируется), а и диалог/полилог культур, эти тексты порождающих и /или интерпретирующих.

4. Такой подход помогает экстраполировать в область интертекстуалистики все накопленное богатство методологических установок и аналитических приемов из областей интеркультурологии и переводоведения.

В частности, актуальными и адекватными могут оказаться различные классификации форм, функций и стратегий взаимодействия двух (и более) культур-текстов, вступивших в интертекстуальный контакт.

5. Среди единиц текста, вовлеченных в этот контакт, наиболее активными единицами могут стать реалии / символы / (лингво) концепты. В своей совокупности они служат как бы ступеньками перехода от одного текста (одной культуры, одной картины мира) к другому тексту (культуре, образу мира).

Приложение 1. Максим Стриха, Киевские церкви (1991). Пер. с украинского Марины Новиковой (2011).

1. *Николаевская церковь.* Подольский мещанин Петро Железный Грош / Возвёл её. (Хотя преданье и туманно.) / Зато на чертежах и записях Боплана / Уж точно этот «Храм под кручей» ты найдёшь. // Он слышал сабель звон и бурсаков галдёж, / Он видел всё: от ряс и свиток до жупана. / А кровушки! – земля пила её допьяна, / Отвыкшая родить пшеницу или рожь. // В тридцатые закрыт, – благословлял он строго / Своих же прихожан, кого гнала дорога / В подвалы ВЧК, в метельный Магадан. // Но волей Божией засов открылся ржавый, - / И словом Божиим завет нам новый дан / Для нынешней земли, для завтрашней державы.

2. *Покровская церковь.* Развевались следы респектных горожан, / Седых советников бывшего магистрата, / А церковь высится – затейно, как когда-то, / Украсившая свой бело-барочный стан. // Её соорудил раб Божий Иоанн, / Во славу Покровы не пожалев наряда: / Фронтонам – кружева, наддвериям – оклада, / И прорезей окон – на верхний барабан. // Дебелая – она, / как старая картина: / Мелькнут там Гетманы, а тут Екатерина, / Лыстецы придворные – ан и Скворода... // Но греет новь глаза святых и Приснодевы: / Как много юных душ опять течет сюда! Как радостно звучат Пасхальные напевы!

3. *Андреевская церковь.* Воздушные соткались купола - / Фантазия великого Растрелли. / И кровли гнутые, и капители, / И вся она, блаженна и светла, // Парит, летя оттуда, где дотла / Печаль и воздыхание истлели / И, тая в бирюзовой акварели, / Одну красу нам с неба принесла. // Чарующая, словно полонянка / Среди чужих, и все же чужестранка / На этой скорбной киевской земле, – // Она выросла в нас общою судьбиной, / Как та, что приплыла на корабле / В Украину итальянкой-тополиной...

4. *Иоанно-Богословская церковь (трапезная Михайловского монастыря).* Обломок, уцелевший невзначай / От каменного пышного букета. / Монахи здесь, в час краткого обеда, / Ломали на горбушки каравай. // Не так, чтобы лилось здесь через край / Молитвословье длинное, – на это / Их ждал Собор. Мозаик златоцветы / В нем зажигал на зорьке ясный май. // Собор взорвали. Пусто всё и голо: / Отличная площадка для футбола / Но выжила Соборная душа: // Она в церковке Иоанна малой, / Добром сияя, вечностью дыша, / Очнулась к новой жизни и восстала.

Приложение 2. М. В. Стриха – М. О. Новиковій. Лист від 08.09.1989.

<...> для мене справжній Київ – інший. І щодо нього той, «булгаковський» зріз – зовнішній і минулий. Мій Київ – це не Узвіз із будинком Уварова, а подільські завулки з церквами Григоровича-Барського. Мій Київ – не благоприсойна Академія, в якій викладав Афанасій Булгаков, пописуючи час, од часу до «Кізьлянина», – а та, давнішня Академія Могили і Мазепи.

Бідолашний Вадим Леонтійович (Скуратівський – М. Н.) весь час намагався помирити ці два Кієви, доводячи, що другий – наступник і спадкоємець першого. Але це був чи не єдиний пункт, у якому я з ним рішуче не згідний. І, скоріше за все, правий таки я – адже досить почитати міркування на ту тему такого справжнього киянина, сучасника Афанасія Булгакова, як Нечуй-Левицький, хоча б перші сторінки Чорних «хмар», речі, яку я страшенно люблю

Приложение 3. Вопросы для самостоятельной работы и модульного контроля.

1. Что Вы знаете про людей, чья биография была так или иначе связана с Киевом? 1) Граф Уваров? 2) Писатель Михаил Булгаков? 3) Преподаватель Киевской Духовной Академии Афанасий Булгаков? 4) Архитектор Иван Григорович-Барский? 5) Митрополит Петро Могила? 6) Гетман Иван Мазепа? 7) Профессор Вадим Скуратовский? 8) Писатель Иван Нечуй-Левицкий? Ваши факты. Ваши выводы. Ваше резюме.

2. Мог ли у них быть один и тот же «мой Киев»? 1) Исторический?

2) Социальный? 3) Национальный? 4) Культурный? 5) Религиозный? Ваши гипотезы. Ваши аргументы. Ваше резюме.

3. Киев, тем не менее, – пространство единое. Что могло бы объединить «Киевы» этих, столь разных людей? 1) В плане историческом? 2) Социальном? 3) Национальном? 4) Культурном? 5) Религиозном? Ваши гипотезы. Ваши аргументы. Ваше резюме.

Источники и литература:

1. Абрамова Е. Ю. Аллюзия в лирике : функциональный аспект (на материале поэтических приведений И. А. Бродского, А. С. Кушнера, А. Тарковского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. «Теория языкознания» / Е. Ю. Абрамова. – Одесса, 1994. – 16 с.
2. Гумилев Л. Н. Этносфера и биоценоз Земли / Л. Н. Гумилев. – Л. : Гидрометеиздат, 1990. – С. 138.
3. Новикова М. Миф и антимиф / М. Новикова, М. Лукаш // Дружба народов. – 1989. – № 11 – С. 268.
4. Логвин Г. Н. Киев / Г. Н. Логвин. – М. : Искусство, 1967. – 264 с.
5. Новикова М. О., Стриха М. В. Листування // Особистий архів М. О. Новикової. – Сімферополь, 1988-1992.
6. Петровский М. С. Городской миф – Киев / М. С. Петровский, М. А. Новикова // Мифи та місія / М. Новикова. – К. : Дух и Литера, 2005. – С. 258-271.
7. Daen L. Travel Guide / L. Daen, P. Poznyak, M. Cherp. – Kiev, M. : Novosti Press Agency Publishing House, 1968. – 224 p.

Пелипась М.І.

УДК 37.02

ПРОБЛЕМИ ВИВЧЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ ОДИНИЦІ У КУРСІ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В ШКОЛАХ З РОСІЙСЬКОЮ МОВОЮ НАВЧАННЯ

Актуальність даного дослідження зумовлена недостатністю комплексного вивчення стану викладання фразеології в сучасній школі.

Мета статті – простежити специфіку подання учням української фразеологічної одиниці в загальноосвітній школі з російською мовою навчання.

Українська мова має в своєму складі значну кількість стійких словосполучень – фразеологізмів, що живаються завжди у звичному, усталеному оформленні. Оскільки мова безперервно розвивається, разом із нею в постійному русі перебуває і її фразеологічний фонд. Фразеологія національної мови збагачується та вдосконалюється, відшліфовується, убираючи в себе скарби з афоризмів, професіоналізмів, анекдотів, індивідуально-авторських утворень – усього того, що впродовж віків плекає і зберігає у своїй пам'яті народ.

Проблематиці вивчення фразеології в школі присвячено роботи багатьох науковців. Зокрема, це праці В. Ужченка, Д. Ужченка, Ю. Прадіда, В. Макієнка, О. Селіванової, Н. Бондаренко та ін.

Джерела української фразеології невичерпні: немає такої галузі соціального життя, в якій би не продукувалися фразеологізми, котрі в усіх випадках з більшою чи меншою повнотою і виразністю не належали до образних поняттєво-емоційних засобів вираження наших думок, почуттів. Саме тому питанням вивчення фразеології в школі необхідно приділяти особливу увагу. Адже на шкільному етапі у підростаючого покоління формується мислення, світосприйняття, комунікативні вміння. На цій ниві педагогам необхідно втілювати в життя слова В. О. Сухомлинського «Потрібно на кожному уроці записувати по два-три нових фразеологічних звороти, які б збагачували мову школярів», а саме працювати з фразеологізмами постійно і безперервно, що дозволить сформувати комунікативну компетенцію особистості.

Цілком зрозуміло, що молодші школярі засвоюють українську фразеологію на дотеретичному рівні, тобто практично. Це відбувається як на уроках мови і мовлення, так і під час опрацювання на уроках читання творів художньої літератури. Обсяг фразеологічного матеріалу, його характер, методичні прийоми роботи над ними визначає вчитель, зважаючи на вік дітей, рівень розвитку їхнього мислення й мовлення, життєвий досвід тощо [11, с. 164].

У сучасному навчальному процесі важливим є переорієнтування з пасивних форм вивчення фразеології на активну творчу працю. На жаль, у школах з російською мовою навчання, знайомство з фразеологізмами на уроках української мови розпочинається лише з 3 класу, продовжується у 4 класі і ведеться досить слабо. У зв'язку з цим більшість учителів навіть не намагаються роз'яснювати дітям суть стійких словосполучень, хоч учні постійно стикаються з ними, читаючи художні твори. Очевидно, педагоги вважають, що значення фразеологічних висловів школярі зрозуміють на основі власного мовного досвіду або контексту,